

Ю. Г. Виноградов, П. О. Карышковский

КАЛЛИНИК, СЫН ЕВКСЕНА.
ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОЛЬВИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IV В. ДО Н.Э. II

Установив в первой части работы (ВДИ, 1982, № 4) идентичность мероприятия по кассации долгов, упомянутого Макробием⁹⁷, тому, которое названо в стк. 8 декрета в честь Каллиника, и отождествляя $\eta\ \kappa\alpha\tau\grave{\alpha}\ \tau\omicron\upsilon\beta\ \chi\alpha\lambda\kappa\omicron\upsilon\beta$ стк. 10 того же документа с переходом ольвиополитов от литья к чеканке медных оболов, мы приходим к такой последовательности известных нам фактов: принятие декрета Каноба о денежном обращении — осада Ольвии македонским военачальником и вызванные ею меры — отмена обложения на военные нужды и редукция полноценной меди — эмиссия золотых монет — принятие декрета в честь Каллиника. Для установления абсолютной хронологии этих событий следует остановиться на дате осады Ольвии Зопирином.

Макробий, единственный автор, сообщающий об осаде, не приводит никаких хронологических данных, даже предположение о том, что перечисленные им мероприятия «не могли быть приняты сразу» и, следовательно, «осада была продолжительна и весьма сложна»⁹⁸, не представляется убедительным — вполне вероятно, что ольвиополиты приступили к преобразованиям еще при возникновении конфликта, когда они только готовились к войне⁹⁹. Именно так поступили эфесяне, освободившие рабов, расширившие круг граждан и смягчившие долговые обязательства именно при угрозе захвата города Митридатом Эвпатором¹⁰⁰.

⁹⁷ Б. В. Фармаковский (Отчет о раскопах в Ольвии в 1925 г. — СГАИМК, I, 1926, с. 199, прим. 1) предположил, что слова *factis tabulis novis* можно понимать как указание на составление новых списков граждан, однако, как указывал еще Ф. А. Струве (Новые надписи ольвийские. — ЗООИД, 1860, 6, с. 5 сл.), diskutируемое выражение — *terminis technicus* и имеет только одно значение — «кассация долгов» (см. также Желева С. А. СП, с. 47, прим. 3; Asheri, p. 36 sqq.; ср. p. 122).

⁹⁸ Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976, с. 429 (ср. Латышев. Ук. соч., с. 66). Дройзен (История эллинизма. I. М., 1890, с. 215) полагал, что Зопирион выступил в поход осенью, но это маловероятно. Если даже приписывать вместе с Курцием известную роль в его разгроме *tempestatus procellisque* и видеть в них осенние непогоды, то это указывает на финальный момент войны. Отводя на продвижение от Дуная до Ольвии приблизительно 15 дневных переходов и столько же на обратный путь (по Геродоту, между Истром и Борисфеном 10 дней пути, но имеется в виду движение конницы, так что Дарий достиг Тиря примерно на 6-й, а Борисфена на 15-й день; ср. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979, с. 18, 21, 172 сл., 176) и считая наиболее вероятным выступление в поход в конце весны — обычное время начала кампаний Александра, можно допускать, что осада продолжалась 3—4 месяца.

⁹⁹ Бертье-Делагард. ОС, с. 88, прим. 2; *Belin de Ballu E. Olbia: cité antique du littoral nord de la mer Noire. Leiden. 1972, p. 69.*

¹⁰⁰ Syll.³, 742 = Asheri. XL; cf. *Reinach T. Mithridates Eupator, König von Pontos. Lpz, 1895, S. 175 f.*

Хотя относящиеся к экспедиции Зопириона сообщения Юстина и Курция считают восходящими к одному утраченному источнику¹⁰¹, они не только не совпадают в деталях, но и приурочены к разным моментам. Согласно Юстину (XII, 1, 4), Александру доставили письмо с описанием военных событий в Греции, Италии и Скифии после смерти Дария, убитого летом 330 г. до н. э., а Курций утверждает (X, 1, 43), будто царь получил послание по возвращении из Индии, незадолго до отправления на Запад распоряжения о возвращении в греческие города политических изгнанников, которое было обнародовано на Олимпийских играх 324 г. Юстин подчеркивает при этом синхронность событий в Скифии и в Италии (XII, 1, 16: *dum haec in Italia aguntur, Zorygion... Scythis bellum intulit*), а Курций считает разгром Зопириона поводом к выступлению фракийцев (X, 1, 45: *qua cognita clade Seuthes Aodrvasas ... ad defectionem compulerat*) и относит ко времени, когда царь покорял Индию. В соответствии с таким противоречием между источниками разделились и мнения исследователей — Дройзен и Латышев высказались в пользу датировки Юстина¹⁰², а Мюлленгоф и Низе выступили в защиту даты Курция¹⁰³; в дальнейшем оба мнения имели своих сторонников¹⁰⁴.

Датировка Курция, принимаемая большинством современных зарубежных ученых¹⁰⁵, не может быть обоснована ссылкой на связь между гибелью Зопириона и выступлением Севта, поскольку не исключено, что последнее началось в 331 г. до н. э.¹⁰⁶ Во всяком случае летом 330 г. афиняне сочли нужным почтить специальным постановлением сына Севта Ребулу (IG, II², 349=Michel, 1469). С другой стороны, заметка Курция, вообще не слишком точного в хронологических показаниях, легко могла попасть не на свое место¹⁰⁷. Поэтому сторонники более поздней даты

¹⁰¹ По-видимому, к труду историка Клитарха, современника Птолемея Лага; ср. *Jacoby F. Kleitarchos.* — RE, XI (1922), Sp. 630.

¹⁰² Дройзен. Ук. соч., с. 215; Латышев. Ук. соч., с. 65; оба относят поход к 331 г. до н. э.

¹⁰³ Müllenhoff K. *Deutsche Altertumskunde.* 3², B., 1892, S. 139 f. (327 или 326 г.); Niese B. *Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten.* I. Gotha, 1893. S. 171. 499 ff. (326 или 325 г.).

¹⁰⁴ Промежуточную позицию занял Гарн, относящий поход к 329—328 г. (*Tarn W. W. Alexander the Great.* I. Cambr. Mass., 1948, p. 70 f.; *ibid.*, 2, 1950, p. 326 ff.; ср. САИ VI², 1953, p. 394, 464). Хронологическая неувязка между показаниями источников привела к гипотезе о двух походах Зопириона — против скифов и против гетов; для первого принимается дата Юстина, для второго Курция (*Suseveanu A. O ipoteza despre Zorygion.* — SCIV, 1966, 17, № 4, p. 635—644). Высказывалось и предположение о том, что Зопирион выступил после смерти Александра и был военачальником Лисимаха (*Кенев Б. В.* Музей кн. В. В. Кочубея и т. д. Т. I. СПб., 1857, с. 12). Этот взгляд не заслуживал бы упоминания, но утверждали даже, будто он чеканил в Ольвии (!) статуи с типами Лисимаха (*Seveveanu G. Le statère d'or de Pharzoios.* — BNSR, 1924, 19, № 49/50, p. 6).

¹⁰⁵ *Beloch K. J. Griechische Geschichte.* 2. IV. 1. B., 1925, S. 44 f.; *Berve.* Op. cit., 2, S. 464; *Glotz G., Cohen R. Histoire grecque.* IV. 1. P., 1938, p. 188—189; САИ XI², 1954, p. 81 (A. Alföldi); *Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit.* 2. I. München, 1964, S. 40 f.; II, S. 403; ср. *Pärvan. Getica,* p. 49 sq.: *Vulpe R. Histoire ancienne de la Dobroudja.* Bucarest, 1938, p. 77, 411; *idem. Studia thracologica.* București, 1976, p. 52, 125; *Pippidi D. M., Berciu D. Din istoria Dobrogei.* I. București, 1965, p. 131, 133, 196; *Pippidi. Contribuții* 2, p. 153; *Youroukova Y. Coins of the Ancient Thracians.* L., 1976, p. 22.

¹⁰⁶ *Жебелев. СИ.,* с. 44; *Михайлов Г. Към историята на Тракия през IV—III в. пр. н. е.* — ИАИ, 1955, 19, с. 151 сл.; *Карышковский П. О. Монеты западнопонтских династов, найденные в Северном Причерноморье.* — СА, 1962, № 4, с. 51 сл.

¹⁰⁷ О небрежности Курция можно в данном случае судить по тому, что у Юстина (XII, 1, 4) Александр узнает о судьбе Зопириона из послания Антипатра, переписка которого с царем не вызывает сомнений (*Pridik E. De Alexandri Magni epistularum commerciorum.* Dorpat., 1893; о данном письме — p. 116, nota 2), тогда как, по Курцию, он получает об этом письме от Кена (X, 1, 43), о смерти которого в Индии сказано на своем месте (IX, 3, 20; ср. *Arr., Anab.* VI, 2, 1). Опираясь на сообщение Курция об этом письме и на слова Юстина (XIII, 4, 14), согласно которому при разделе сатрапий после смерти Александра *Susiana gens Coeno adsignatur*, БERVE допускает, что кроме известного Кена, сына Полемократа, существовал еще другой Кен (*Berve. Alexander-*

стремятся укрепить ее соображениями о преемственности македонских наместников Фракии — ведь, согласно тому же Курцию (X, 1, 44), Зопирион был *Thraciae praepositus*. Должность *στρατηγός τῆς Θρακίας* была учреждена Филиппом; в 336 г. ее занимал Александр, сын Аэропа, замененный вскоре Мемноном; в 331 г. последний взбунтовался (Diod., XVII, 62, 5—6), но не был, по-видимому, лишен власти (ibid., 63, 1) и впоследствии прибыл в Индию во главе фракийских всадников (Curt., IX, 4, 21)¹⁰⁸. Из этих данных заключают, что Зопирион был преемником Мемнона во Фракии и сменил последнего перед самым отправлением на Восток, после чего и предпринял поход в Скифию, приходящийся, таким образом, на 325 г. до н. э.¹⁰⁹ Вся эта аргументация противоречит, однако, Юстину: Зопирион для него *Alexandri Magni dux* (II, 3, 4; XXXVII, 3, 2), *praefectus eius* (XII, 1, 4)¹¹⁰, наконец, *praefectus Ponti ab Alexandro Magno relictus* (XII, 2, 16)¹¹¹, и уже Низе предполагал, что он был оставлен Александром не в коренных фракийских областях, а на причерноморском побережье Фракии, города которого были подданными или союзниками Александра¹¹².

Сторонники поздней датировки Зопирионова похода основывают ее на краткой заметке Курция. Присмотримся, однако, к показанию Юстина. Так как Александр узнал о судьбе своего военачальника осенью 330 г., то экспедиция в Скифию завершилась не позже весны, в крайнем случае — лета того же года. Однако оба события, сообщения о которых достигли царя одновременно с вестью о гибели Зопириона в Скифии — *bellum Agidis, regis Spartanorum, in Graecia, bellum Alexandri, regis Epiri, in Italia* (Just., XII, 1, 4), продолжались по нескольку лет. Спартанский царь Агид впервые поднял оружие против македонского владычества зимой 333/32 г. до н. э., а в 331 г. весь Пеллопоннес, кроме аркадского Мегалополя, находился на его стороне; в решающей битве недалеко от этого города он потерпел поражение и был убит¹¹³. Александр Эпирский, дядя своего прославленного тезки, высадился в Япигии зимой 335—334 г. до н. э. или даже несколько ранее и погиб в долине Кратиса зимой 331/30 г.¹¹⁴ Трагический финал обоих событий приходится на вторую

reich... 2, № 439—440). Однако в рукописях Юстина читается *Senio, Scyno* или *Scinno*, так что имя Кена является в данном случае лишь одной из произвольных конъектур. Дройзен (ук. соч., Примечания, с. 62) склонялся к вполне вероятной мысли, что слова *α Σοεπο* у Курция представляют собой небрежный перевод *ΑΠΟ ΚΟΙΝΟΥ* греческого оригинала, где они должны были означать *κοινόν* греческого союза.

¹⁰⁸ Lenk B. *Thrake*. — RE, VI A, 1936, Sp. 427 f.; cf. *Berve. Alexanderreich...*, 1. S. 227 f., 311 f.; 2, Nr. 37 (Alexander der Lynkestier); Nr. 499 (Memnon).

¹⁰⁹ *Berve. Alexanderreich...*, 2, Nr. 340 (Zopyrion); cf. *Beloch. Op. cit.*, S. 44 f.; *Niese. Op. cit.*, S. 105. Ант. 7. Жебелев, признающий Зопириона стратегом всей Фракии, но отрицающий хронологию Юстина, находит выход в том, что объявляет Мемнона, упоминаемого Диодором и Курцием, двумя лицами.

¹¹⁰ Вопреки встречающейся интерпретации (*Латышев. Ук. соч.*, с. 63; *Niederle L. Slovanské starožitnosti. I. Praha*, 1904, p. 305, not. 4) следующие далее слова *in Scythiam* указывают не на переданную под власть Зопириона территорию, а на место его гибели.

¹¹¹ Такое обозначение поддерживается Трогом (prol. XII), согласно которому он *in Ponto regiit*, и разъясняется Аррианом (*Success. Alex.*, frg. 1^a, 7), указывающим, что после смерти Александра Лисимаху достались не только Фракия и Херсонес (т. е. бывшая область Мемнона), но и соседние племена *καὶ ὅσα Θραξί σύνορα ἔθνη ἔστε καὶ θάλασσαν*. Они входили, надо думать, вместе с городами в область Зопириона.

¹¹² *Niese. Op. cit.*, S. 171. О западнопонтийских городах при Филиппе см. *Данов Хр. Древна Тракия. София*, 1968, с. 427 сл.: *Pippidi D. M. Les macédoniens en Scythie Mineure de Philippe IIe à Lysimaque*. — In: *Ancient Macedonia. 2. Thessaloniki*. 1977, p. 388 suiv.; *Suceveanu A. Un callatien dans l'armée d'Alexandre le Grand*. — *Dacia*. 10, 1966, p. 340 suiv.

¹¹³ *Шофман. Ук. соч.*, с. 427 сл., 434 сл.; *Niese. Op. cit.*, S. 102—107, 497 ff.; *Ehrenberg V. Sparta*. — RE, III A, 1929, Sp. 1418 ff.; *Schäfer A. D. Demosthenes und seine Zeit*². 3. Lpz., 1887, S. 201 ff.

¹¹⁴ *Klotzsch C. Epirotische Geschichte*. B., 1911, S. 61, 72, 81 ff.; *De Sanctis G. Storia dei romani*. 2. Torino, 1907, p. 291 sqq., 295, nota 3. О гибели царя именно зимой прямо пишет Тит Ливий (VIII, 24, 7).

половину 331 или скорее даже на 330 г. до н. э.¹¹⁵, и современные румынские исследователи, специально занимавшиеся походом Зопириона, датируют его в сравнительно широких пределах: 334—331, не исключая, однако, и 330 г. до н. э. (Илиеску) или 335/34—331 г. до н. э. (Сучевяну)¹¹⁶. Нельзя не согласиться, что такое заключение выглядит формально верным. Верно ли оно, однако, по существу?

Юстин сообщает о Зопирионе (XII, 2, 16), что он *ab Alexandro Magno relictus, otiosus se ratus si et ipse nihil gessisset, ... Scythis bellum intulit*. Эту мотивировку при буквальном истолковании источника называли наивной, даже детской¹¹⁷, но заключали в полном соответствии с нею, будто причина похода сводится к личным качествам Зопириона, который, «не желая оставаться в бездействии», руководствовался «единственно желанием отличиться»¹¹⁸. Логическим продолжением такого хода мысли является заключение, будто Зопирион «несомненно» выступил против скифов «без приказа Александра и без одобрения Антипатра»¹¹⁹. Такой вывод стоит, однако, в прямом противоречии с масштабами задуманного предприятия — ведь в распоряжении Зопириона находились вооруженные силы, лишь немногим уступавшие тем, с которыми сам царь двинулся на завоевание Востока, и вдвое превышавшие контингенты, оставленные Антипатру¹²⁰. Самовольная мобилизация 30-тысячного войска превосходила и полномочия, и возможности наместника неширокой полосы причерноморского побережья Фракии, и это заставляет с особенным вниманием отнестись к той части сообщения Юстина, где подчеркнута, что Зопирион был оставлен Александром и опасался обвинения в бездеятельности, «если и сам он (*et ipse*) ничего не совершит»¹²¹. Но коль скоро Зопирион, которого Юстин постоянно именует военачальником Александра, выступает перед нами как исполнитель царской воли — ведь донесение о его поражении было воспринято царем как сообщение о гибели части македонского войска, так что скорбь (*dolor*) по этому поводу была смягчена лишь одновременно доставленными известиями о гибели соперников Александра (*Just.*, XII, 1, 5) — то крайне трудно допустить, что последний не был поставлен Антипатром в известность о неудаче Зопириона сразу же после катастрофы. Отсюда представляется вероятным, что разгром Зопирионова войска имел место не во времена первых военных успехов Александра, а произошел тогда же, когда сошли со сцены Агид Спартанский и Александр Эпирский т. е. осенью 331 или зимой 331/30 г. до н. э. Вполне возможно, что оставленный наместником Понта военачаль-

¹¹⁵ Решающее значение для датировки сопоставляемых Юстином событий имеют показания Эсхина. В речи против Ктесифонта, произнесенной, по словам самого оратора, накануне Пифийских игр (*Aeschin.*, In Ctesiph. 254), которые отмечались по обычаю в месяце букатий дельфийского календаря (август/сентябрь) на третьем году очередной олимпиады (в данном случае 112 Ол.), т. е. в конце лета 330 г. до н. э., он говорит о событиях в Пелопоннесе как о только что завершившихся (§ 165) и упоминает о «совсем недавно» отправленном посольстве афинян с выражением соболезнования овдовевшей супруге эпирского царя (§ 242).

¹¹⁶ *Iliescu*. Op. cit., p. 72 sq.; *Suceveanu*. О ipoteza..., p. 639, 641 (автор относит к указанному в тексте годам первый из предполагаемых им двух походов Зопириона).

¹¹⁷ *Жебелев*. СП, с. 46; *Pippidi*. Les macédoniens..., p. 390.

¹¹⁸ Так интерпретируют показания Юстина о побуждениях Зопириона Латышев (ук. соч., с. 64) и Жебелев (СП, с. 46). Соответственно в переводе второго (там же, с. 41) Зопирион не желал оказаться «бездельником», а в переводе первого (СД, II, с. 61; ВДИ, 1949, № 1, с. 254) прослыть «ленивым».

¹¹⁹ *Дройзен*. Ук. соч., с. 215; так считает и Шофман (ук. соч., с. 429).

¹²⁰ *Just.*, l. c.: *adunato XXX milia exercitu; id. XXXVII, 3, 2; cum XXX milibus armatorum*. У Александра после переправы в Азию было 30 000 пехоты и 5000 всадников (*Diod.*, XVII, 17, 3—4; *Arr.*, Anab. I, 11, 3). У Антипатра оставалось 12 000 пеших и 1 500 конных воинов (*Diod.*, l. c. 17, 5). Эти цифры реальны и согласуются между собой (*Дельбрюк Г.* История военного искусства. М., 1937, с. 161, 163; *Гафуров Б. Г.*, *Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980, с. 98—99), так что недоверие к показанию Юстина о численности войск Зопириона (*Жебелев*. СП, с. 44; *Шофман*. Ук. соч., с. 430, прим. 107) остается голословным и необидительным.

¹²¹ В переводе под ред. М. Е. Грабарь-Пассек читаем даже «если он не совершит никаких подвигов» (ВДИ, 1954, № 3, с. 213).

ник выступил против скифов одновременно с началом последней кампании своего царя против персов, т. е. весной 331 г. до н. э.

Относя, таким образом, осаду Ольвии к лету или осени 331 г. до н. э., мы вправе заключать, что отмена вызванного войной поголовного обложения граждан и тесно связанной с ним в тексте источника редукции полновесной медной монеты произошли сразу же после того, как ольвиополиты избавились от нависшей опасности, и датируются самым началом 20-х годов. С другой стороны, чеканка золота рассматривалась в это время как важнейшая прерогатива македонских монархов¹²², так что выпуск собственных золотых статеров — и притом в городе, никогда ранее не осуществлявшем эмиссии золотой монеты, — вряд ли вообще возможен до получения ольвиополитами известий о смерти Александра и о вызванном ею новом подъеме антимакедонской борьбы в Элладе¹²³. В самом деле даже при выпуске разменной монеты греческие города не упустили из виду политической стороны этого мероприятия¹²⁴, так что чеканка золотых статеров с именем и эмблемой города, лишь недавно отстоявшего себя от македонского войска, была бы слишком яркой демонстрацией, чтобы допустить ее в те годы, когда Александр вынашивал планы вторжения на Понт (Arr., Anab. IV, 15, 6)¹²⁵. Поэтому выпуск ольвийского золота следует относить к тому времени, когда Афины и немалая часть полисов Эллады были охвачены антимакедонским восстанием, т. е. ко второй половине 323 и первой половине 322 г. до н. э. К этому моменту близок и декрет в честь Каллиника, приходящийся скорее всего на вторую половину второго десятилетия IV в.

Приведенные выше даты подтверждаются нумизматическими наблюдениями. Основу для хронологических заключений составляют в этом случае серебряные статеры, прочно связывающие все прочие ольвийские эмиссии второй половины IV в.¹²⁶ Чеканка этих монет началась не позже времени принятия декрета о деньгах, который относится по палеографическим признакам к 350—330 гг. до н. э., но низкая тарификация кизикинов принуждает предпочесть вторую половину этого периода, датируя и надпись и монеты первой половиной или серединой 30-х годов. Ко времени, предшествующему войне с Зопирионом, мы склонны относить редкие статеры без сокращений имен (рис. 4, 12)* и с монограммами (рис. 4, 13), сближающиеся по трактовке практически с монетами Халкидской лиги и особенно Филиппа II¹²⁷ или с редкими милетскими тетрадрахмами третьей

¹²² *Berve. Alexanderreich...*, I, S. 318 f.; *Heuss A. Stadt und Herrscher des Hellenismus*. Lpz., 1937 (Klio, Beiheft 39), S. 193 f.; *Hampel F. Der König der Makedonen*. Diss. Lpz., 1934, S. 64 ff.

¹²³ Литература об этих событиях очень велика; см. *Niese*. Op. cit., S. 200 ff.; *Ранович А. В. Эллинизм и его историческая роль*. М.—Л., 1950, с. 82 слл.; *Гафуров, Цибукидис*. Ук. соч., с. 352 слл.

¹²⁴ Приступая к чеканке меди, граждане Сеста отмечают: $\chi\alpha\rho\iota\nu\ \tau\omicron\upsilon\ \nu\omicron\mu\iota\sigma\tau\epsilon\beta\epsilon\sigma\theta\alpha\iota\ \mu\epsilon\nu\ \tau\omicron\nu\ \tau\eta\varsigma\ \nu\omicron\mu\iota\sigma\mu\epsilon\sigma\ \chi\alpha\rho\alpha\kappa\tau\eta\rho\alpha$, и лишь затем указывают на выгоду этого (OGIS, I, 339 = *Michel*, 327. 44—45; $\nu\omicron\mu\iota\sigma\tau\epsilon\beta\omicron\mu\alpha\iota = \nu\omicron\mu\iota\sigma\tau\epsilon\beta\omicron\mu\alpha\iota$, OGIS, p. 540 sq., nota 22). Ср. *Fritze H. Sestos: die Menas-Inschrift und das Münzwesen der Stadt*.— *Nomisma*, 1907, I, S. 1, ff.

¹²⁵ О том, что по крайней мере часть припонтийских греков принимала эти планы всерьез, свидетельствует приводимый Мемноном (de Her. XI/XII, fr. 4, 2) анекдот о гераклеюмском тиране Дионисии, который едва не обезумел от восторга при получении известия о смерти Александра и воздвиг в городе по этому поводу статую Эвтимии (т. е. Радости).

¹²⁶ *Карышковский П. О. О классификации серебряных статеров Ольвии*.— *КСИМК*, 1956, 66, с. 69 слл.; *он же*. Дополнения до истории монетной справи Ольвии.— *МАСП*, 1960, 3, с. 234 слл.; *он же*. Ольвиске срібло, с. 45 слл. Разработанная в этих статьях классификация материала представляется нам верной, но абсолютная хронология требует пересмотра.

* Здесь и ниже указаны номера рисунков в первой части статьи. Там же, с. 33, стк. 9, следует читать $\alpha\upsilon\delta\iota\alpha\upsilon\gamma\iota\tau\epsilon$, стк. 5 $\tau\omicron\nu\ \delta\epsilon\tau\mu\omicron\nu$.

¹²⁷ *Seltman*. Op. cit., pl. XLVI, 4—5, 10—12; *Kleiner*. Op. cit., Taf. I, 5, 10. Еще большее сходство обнаруживается у ранних тетрадрахм Александра с орлом на реверсе (ibid., Taf. I, 13).

четверти IV в. до н. э.¹²⁸ Эти ольвийские статеры чеканились одновременно с выпуском последних литых оболов (рис. 3, 6) и объединяются с ними общим дифферентом — колосом. Наиболее небрежно исполненные экземпляры этого литья (рис. 3, 7; ОКМ, II, 11) выпущены, быть может, уже во время войны с Зогирионом¹²⁹. Вскоре после этого ольвиополиты стали «чеканить медь», т. е. заменили выпускавшуюся примерно с середины IV в. полноценную литую монету (рис. 3, 1 сл.)¹³⁰ чеканеными оболами с условной стоимостью (см. выше); курс новых оболов пытались закрепить параллельной эмиссией серебряных статеров. Монеты этого выпуска датированы Зографом рубежом 30-х и 20-х годов — по «детальному, четкому, несколько резкому и не лишенному ювелирных черт стилю» (АМ, с. 127) они сближаются с первыми чеканеными оболами и отмечены одинаковыми сокращениями имен АΡΙΣ и ΜΟΞΧΙ (АМ, XXXII, 2, 4; рис. 3, 3; 4, 2, 3). После этого, судя по известным монетам, чеканка статеров была приостановлена, но оболочки нового типа выпускались еще в течение нескольких лет до конца 20-х годов¹³¹.

Новый этап истории монетного дела Ольвии связан с появлением собственной золотой чеканки. Бертье-Делагард считал, что золотые статеры были выпущены «если не одновременно, то очень скоро» после начала эмиссии серебра (ОС, с. 85), а Зограф полагал даже, будто штемпеля золотого статера вырезаны «скорее всего одной рукой» со штемпелями монет с сокращением АΡΙΣ (АМ, с. 127). Мы не находим столь разительного сходства между ними; к тому же дифферент (снова колос) и сокращения имени (лигатура из букв Ε и Κ) объединяют золотой статер (рис. 4, 16; ОКМ, VIII, 201) не с той монетой, на которую указывает Зограф (АМ, XXXII, 2), а с несколько иным по стилю серебряным статером (рис. 4, 14) и сопутствующими последнему драхмами, некоторые из которых изго-

¹²⁸ Babelon E. *Traité des monnaies grecques et romaines*. II/III, t. 4, P., 1910, col. 1053/54, pl. CXLVIII, 7.

¹²⁹ Весьма вероятно, что в условиях войны ольвиополиты прибегли к обычному в таких ситуациях выпуску неполноценной монеты с принудительным курсом: среди статеров известны отлично выполненные свинцовые экземпляры (Гиль X. X. Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг. — ЗРАО, 1895, 7, табл. XX, 74), в которых естественно видеть эмиссию, относящуюся ко времени осады. Примеры такого рода известны (Азбл., Осос. II, 2, 16b; 19c; 23a); ср. Марков А. К. Древняя нумизматика. 2. СПб., 1903, с. 194 сл.; Babelon. *Op. cit.*, t. I, col. 371 suiv.

¹³⁰ Начало выпуска этих монет не может быть отодвинуто к 370 г. (Каршиковский П. И. Ольвийск. ассы). — Праці ОДУ, 1959, 149, № 7, с. 51 сл.). В первой их подгруппе, кроме наиболее часто встречающихся монет без дифферентов, имеются редкие экземпляры с обозначениями А, В, Г (рис. 3, 4), Δ (АМ, XXXI, 4) и Ε (рис. 3, 5; ОКМ, I, 7), причем среди них нередко встречаются монеты, отлитые в одной форме (Гилевич А. М. Клад «ассов» из Ольвии. — НЭ, 1972, 10, с. 74 сл.), и экземпляры, резко отличающиеся по стилю (например, там же, табл. I, 1 и III, 9). Вторую подгруппу (отличный дифферент — колос) составляют всего два варианта (рис. 3, 6—7), так что Зограф правильно относил начало этой группы к середине IV в. до н. э. (АМ, с. 124). Об относительной непродолжительности всей этой эмиссии позволяет заключать и состав клада, найденного весной 1981 г. на Нижнем Ингуле, в нескольких километрах от Николаева (Елисеев В. Ф., Елисеева А. И. Клад ольвийских «ассов» из с. Погорелое. — В кн.: Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. Киев, 1981, с. 82). В кладе находился небольшой «асс» с Горгоной (АМ, XXXI, 5), относящийся еще к рубежу V и IV вв., и 21 монета с Деметрой: шесть экземпляров без дифферентов (МО, VIII, 1, 3; X, 1, 3; XI, 3; XII, 1, 2; XIV, 1, 2, 4), две таких же монеты с иным расположением крыльев орла (МО, XIII, 2, 3; XIV, 3), две монеты с дифферентами в виде ветки (?) и буквы Δ (МО, X, 2; АМ, XXXI, 4), одна с изображением колоса под дельфином (МО, XI, 1), восемь с колосом, но с зеркально повернутым типом реверса (ОКМ, II, 14) и одна такая же монета с буквой Γ под колосом (рис. 3, 7; ОКМ, II, 11). Клад не только подтверждает подлинность монет этого последнего варианта, но и отражает все главные этапы эмиссии литых оболов с Деметрой — в нем не представлены только редчайшие экземпляры с обозначениями Α (Гилевич. Ук. соч., табл. IV, 11) и Β (МО, IX, 1), указывая тем самым на относительную непродолжительность этой эмиссии.

¹³¹ Известны еще оболочки с сокращениями ΚΛΕ (рис. 4, 4; ОКМ, VI, 137), ΗΡΩΝ (рис. 4, 5; ОКМ, VII, 139), ΠΑΚ (рис. 4, 6), ΒΑΤΩ (Кене. Ук. соч., с. 165, № 116, рис. в тексте); существуют также экземпляры с поврежденными сокращениями ΣΩ — — — и ... ΣΚΗ (Φύσικη?).

товлены, как отмечено выше, общими штемпелями с золотой монетой (рис. 4, 21). Ко времени эмиссии этой серии относится, по-видимому, также изменение внешнего облика того номинала меди, который заменил полновесные «ассы» — вместо традиционных изображений Деметры и городской эмблемы на этой новой меди представлены голова бородатого речного божества и обычное скифское оружие — лук в горите и секира (рис. 4, 18)¹³². Весьма существенно, что среди этих монет, обычно называемых «борисфенами», встречаются экземпляры, перечеканенные из оболы с Деметрой без уничтожения прежних изображений, которые порой явно просматриваются под новыми штемпелями (рис. 4, 19)¹³³. Из этого следует, что «борисфены» следовали непосредственно за монетами с Деметрой, и становится вполне вероятным, что обе категории монет представляли один номинал¹³⁴. Время этой переделки одновременно чеканке золота и приходится на конец 20-х годов.

Уточнив время и обстоятельства издания декрета в честь Каллиника, обратимся к оценке причин и целей реформ времени осады города Зопирионом в современной историографии. Большинство исследователей, начиная с Латышева, в полном согласии с копсекутивным акцентом, поставленным Макробием или его источником в интересующем нас пассаже (осажденные Зопирионом борисфениты — тем, что они освободили рабов и т. д., сумели отразить врага), считало, что преобразования имели целью в тяжелое для государства время мобилизовать все возможные силы на оборону путем предоставления определенных льгот неполноправным юридически (рабы и ксены) и экономически (несостоятельные должники) категориям населения¹³⁵.

Однако с 30-х годов стала пробивать себе дорогу и другая концепция, суть которой заключается в том, что перечисленные Макробием реформы были следствием острого социального конфликта: власти были вынуждены пойти на уступки обездоленным слоям населения, чтобы спасти положение и отразить врага. Впервые такая мысль промелькнула в одной из последних работ Б. В. Фармаковского, назвавшего мероприятия ольвиополитов «форменной революцией»¹³⁶. Самую крайнюю форму эта точка зрения обрела в научно-популярных работах Л. М. Славина, писавшего: «Возможно, что эти чрезвычайные мероприятия... были следствием восстания рабов и бедной части населения Ольвии»¹³⁷. После него к концеп-

¹³² *Карышковский*. Ольвийские «борисфены», с. 73 сл. Первая группа этих монет, объединяющая крупные экземпляры со строгими, несколько сухо моделированными чертами речного божества, с секирой, обух которой украшен рядом шиповидных выступов (там же, с. 64, табл. 1), насчитывает десять именных сокращений (там же, табл. XII, 1—11), так что выпуск монет этой группы, начавшийся одновременно с началом чеканки золота, продолжался в связи со всем изложенным до конца предпоследнего десятилетия IV в. Как показывают общие лигатуры на «борисфенах» и на некоторых серебряных статерах (там же, табл. I, 1, 5, 6, 10; ср. табл. XI, 1—4; также рис. 4, 15—20) в течение этого десятилетия — приблизительно между 323/22 и 313/12 гг. до н. э. — продолжался выпуск серебряных монет первой группы (*Карышковский*. О классификации..., с. 69 сл.).

¹³³ *Карышковский*. Ольвийские «борисфены», с. 74, табл. XI, 5, 6.

¹³⁴ Это подтверждается данными метрологии: оболы с Деметрой весят в среднем 9,98 г, а для ранних групп «борисфенов» средние веса колеблются между 10,08 и 9,80 г (там же, с. 75, табл. 3).

¹³⁵ *Латышев*. Ук. соч., с. 66; *Minns*. Op. cit., p. 459; *Блаватская*. Ук. соч., с. 90—91; *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, № 36, с. 24; *Каллистов Д. П.* Северное Причерноморье. — В кн.: Древняя Греция. М., 1956, с. 365; *Книпович Т. Н.* Ольвия и Тира. — В кн.: Очерки истории СССР. М., 1956, с. 330; *Блаватский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, с. 16. Этот список можно было бы увеличить.

¹³⁶ *Фармаковский*. Ук. соч., с. 199.

¹³⁷ *Славин Л. М.* Ольвия. Київ, 1938, с. 12; *он же*. Древний город Ольвия. Киев, 1951, с. 12—13. В последнем издании своей брошюры (Здесь был город Ольвия. Киев, 1967, с. 9) он развил эту мысль «Ольвийские рабы неоднократно восставали против своих эксплуататоров. Иногда рабы объединялись с беднейшей частью свободного населения. Такие восстания происходили здесь в 330-х гг. до н. э., в конце III — начале

ции «социального конфликта» присоединились Л. А. Ельницкий¹³⁸ и В. Ф. Гайдукевич¹³⁹, но первая попытка расширить аргументационную ее базу была предпринята Е. И. Леви, поставившей разрушения, которые, казалось, имели место в общественном центре Ольвии — на агоре — в последней четверти IV в. в связь с предполагаемыми социальными волнениями времени осады Зопириона¹⁴⁰. Следует учитывать, впрочем, что эта гипотеза была высказана в то время, когда раскопки агоры шли полным ходом и были в стадии, далекой от завершения. Впоследствии, когда был полностью раскрыт теменос, выяснилось, что в последней четверти IV в. на агоре происходили не стихийные разрушения, а сознательная, планомерная и санкционированная государством реконструкция центра религиозной и политической жизни Ольвийского полиса¹⁴¹.

Оба автора настоящей статьи также высказались в свое время в пользу того, что преобразования времени осады Зопириона были не просто превентивными мерами, но и проявлением социального конфликта. Один из них подчеркивал, что «...реформы, осуществленные ольвиополитами во время осады города Зопирионом, хотя и были направлены прежде всего на усиление обороноспособности Ольвии, но по своим результатам представляли решительный шаг по пути утверждения в ней демократии... и были необходимой политической предпосылкой того интенсивного роста производительных сил, расширения торговых связей, интенсификации городского строительства и благоустройства, которые... приходится на последнюю четверть IV и на первые десятилетия III в. до н. э.»¹⁴². В связи с демократизацией политического строя рассматривались и такие явления, как подтверждение исополитии с Милетом, изменения в области денежного обращения (редукция полноценной меди, переход к золотому стандарту), а также посвящения Гераклу и Народу и даже Дионису¹⁴³. Второй из авторов, кроме перечисленных сопоставлений¹⁴⁴, привлекал в данном контексте и изучаемые на этих страницах декреты¹⁴⁵.

Как же теперь, после проведенного исследования, должны быть оценены шансы обеих концепций? Прежде всего следует заметить, что вторая не исключает, но лишь дополняет первую: ликвидация социального конфликта имела в момент военной угрозы главной целью консолидацию всех сил полиса на оборону¹⁴⁶. Однако, коль скоро авторы считают вполне вероятным, что предложение Каллиника об отмене долгов было вотировано после того, как конфликт между должниками и кредиторами уже воз-

---

II вв.». Интересно, что в статье академического характера (Периодизация исторического развития Ольвии. — ПИСП, М., 1959, с. 86—107) автор сначала (с. 97) солидаризируется с традиционной точкой зрения, а затем (с. 101) в сдержанной форме повторяет свою собственную, прежнюю.

¹³⁸ ВДМ, 1949, № 4, с. 263, прим. 1 (комментарий к переводу Макробия).

¹³⁹ Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья. — АГСП, 1955, I, с. 49 сл.

¹⁴⁰ Леви Е. И. Ольвийская агора. — МИА, 1956, № 50, с. 112.

¹⁴¹ Карасев А. Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса. — В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М. — Л., 1964, с. 39 сл., прим. 5. Раскопками последующих лет выяснено, что в постзопирионовское время агора, — по крайней мере, в северной ее части — впервые перекрывается вымосткой из известняковых плит; ср. Леви Е. И. и др. АО 1973 г., М., 1974, с. 300. На старых позициях остался, однако, В. В. Рубан (О датировке поселения Козырка II. — ПДКСП, Киев, 1979, с. 78 сл.).

¹⁴² Карышковский. Монеты западнопонтийских династов..., с. 54.

¹⁴³ Карышковский П. И. З історії Ольвії в VI ст. до н. е. — Праці ОДУ, 1956, 146, № 5, с. 167—174.

¹⁴⁴ Надо, впрочем, признать, что наиболее показательным для демократизации в религиозной сфере оказывается только культ обожествленного Демоса (IOSPE, I², 179), поскольку Геракл почитался по преимуществу в дорийских полисах, а дионисийскую религию часто использовали тираны; см. Kolb F. Die Bau-, Religions- und Kulturpolitik der Peisistratiden. — JDAI, 1977, 92. S. 115—133.

¹⁴⁵ См. Гребенский. Ук. соч., с. 240.

¹⁴⁶ В этом отношении выглядит наиболее приемлемой позиция Д. Б. Шелова (Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, с. 58; Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975, с. 48).

ник к началу осады Ольвии македонским полководцем, предпочтение следует отдать второй точке зрения, требующей теперь, однако, уточнений. Из стк. 8 документа явственно следует, что Каллиник провел через эkkлeсию только предложение о кассации долгов, — таким образом, он во всяком случае не был инициатором двух других мероприятий, упомянутых Макробием, иначе они были бы, вне сомнения, поставлены ему в заслугу составителем псефизмы. Сложнее определить степень его причастности к отмене налогов и к «чеканке меди». Хотя проведение этих акций приписывается всему народу, нельзя считать исключенным, что Каллиник по крайней мере содействовал их практическому осуществлению, — в противном случае само упоминание о них вряд ли нашло бы место в начертанном на базе его статуи декрете.

Ничто не заставляет нас, таким образом, предполагать до обнаружения дополнительных данных, что освобождение рабов и дарование гражданства ксенам были не обычными превентивными мерами, хорошо известными из греческой практики¹⁴⁷, а следствием статиса в среде жителей Ольвийского государства. Собственно говоря, нам удалось найти в греческой истории лишь один пример, косвенно свидетельствующий о том, что в подобной критической ситуации отпуск на волю рабов мог явиться прямым следствием конкретного эпизода социальной борьбы. По сообщению Полиэна (I, 43, 1), в 414 г. до н. э., во время осады Сиракуз афинянами в городе вспыхнуло восстание рабов, которые собрали многочисленный отряд, в условиях военной угрозы представлявший с точки зрения стратегов во главе с Гермократом, серьезную опасность. Последний пошел на хитрость, пообещав всем им дать свободу, сделать голплитами и обеспечить равным с остальными довольствием, самого же их предводителя сделать стратегом-соправителем (*συνάρχοντα*). Однако рабы, как и следовало ожидать, были обмануты и приведены к повиновению.

Здесь уместно добавить, что, не видя в освобождении всех или части ольвийских рабов во время осады города Зопирионом результата открытого вооруженного выступления этих последних, мы не имеем оснований смягчать остроту социальных противоречий в Ольвии. Вместе с тем нельзя отрицать, что, даже будучи осуществлено в условиях военной опасности, освобождение рабов не только укрепляло обороноспособность полиса, но и служило в данной конкретной ситуации гарантией демократизации всей его общественной жизни. Вместе с тем не приходится считать, будто эта мера сама по себе и даже вместе с другими известными

¹⁴⁷ Из прецедентов в ситуации, аналогичной ольвийской, упомянем следующие: 1) включение в состав общины Аргоса в конце VI в. до н. э. перройков (по Геродоту — VI, 77, 83) или рабов (по Плутарху — *Mul. virt.*, 4, p. 245 c—t); разноречивая традиция об этом событии нашла отражение также в: *Arist.*, *Pol.* V, 2, 8, p. 1303 a; *Paus.*, II, 20, 8 sq.; *Polyaen.*, VIII, 33; *Suid.*, v. v. Τελεσιλλᾶ; *Luc.*, *Amor.* 30, 2; 2) освобождение афинянами в 490 г. до н. э. 9000 рабов, пожелавших сражаться при Марафоне (*Paus.*, VIII, 45, 7; ср. I, 32, 3; X, 20, 2), 3) освобождение афинских рабов и наделение гражданством метеков и ксенов, принявших участие в морском сражении при Аргинусах (*Xen.*, *Hell.* I, 6, 24; *Diod.*, XIII, 97, 1; *Schol. Aristoph. Ran.* 33, 693); 4) аналогичная акция в 338 г. до н. э. в панической ситуации после Херонеи (*Lycurg.*, in *Leocr.* 41; ср. *Plut.*, *Nurq.* 8, P. 849 A); 5) освобождение рабов и дарование политики метекам (в) во время обороны беотийских Фив от Александра в 335/34 г. до н. э. (*Diod.*, XVII, 11, 2); 6) освобождение и наделение гражданством рабов, особо отличившихся при осаде Родоса Деметрием Полиоркетом в 304 г. до н. э. (*Diod.*, XX, 100, 1); 7) призыв в войско стратегом Ахейского союза Дизем в критической ситуации войны с Римом 12 000 отпущенников из числа доморожденных и воспитанных вместе со свободными (*Polyb.*, XL, 3—5; *Paus.*, VII, 15, 7; 16, 8); 8) эфесцы в 85 г. до н. э., объявив войну Митридату Эвпатору и предвидя осаду, наделяют гражданскими правами взявшихся за оружие исотелов, паройков, гиеродулов, отпущенников и ксенов и предоставляют государственным рабам свободу и статус паройков (*Syll.*³ 742. 44—49 = *Asheri*, XL; ср. *Busolt G.* *Griechische Staatskunde*. I. München, 1920. S. 288, 289, Anm. 1; *Westermann W. L.* *The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity*. Philadelphia, 1955, p. 18; *Welwei K. W.* *Unfreie im antiken Kriegsdienst*. I (1974). II (1977); *Garlan Y.* *War in Ancient World*. L., 1975, p. 80 f.; *idem.* *Les esclaves en Grèce ancienne*. P., 1982, p. 180, 185—188).

Макробию действиями ольвиополитов была актом изначального утверждения демократического строя в Ольвии, — напротив, все такие акции могли быть осуществлены только в условиях реального существования демократических порядков еще до осады города¹⁴⁸. Приходится признать, что о времени становления ольвийской демократии мы не располагаем абсолютно надежными данными¹⁴⁹.

Одновременно с освобождением рабов в Ольвии была осуществлена также *χρεὼν ἀποκοπή* — частичная или полная отмена долгов (процентов либо основной суммы долга)¹⁵⁰. В большинстве известных случаев такая мера вызывалась обострением противоречий между богатыми и неимущими, кредиторами и должниками. Однако для интересующей нас конкретной ситуации — кассации долгов в условиях крайней военной опасности — мы находим в хрестоматии АшерИ (I—VI, VIII—X, XII, XV, XIX, XXIII—XXVII, XXIX—XXXIII, XXXV—XXXVII) всего четыре примера, один из которых составляет предмет настоящей статьи. Не останавливаясь подробно на событиях в ликийской Ариканде, осажденной в 197 г. до н. э. полководцем Антиоха III Митридатом, малоимущие слои которой, страдавшие под долговым бременем, решили сдать город врагу в надежде выпросить себе *χρεὼν ἀποκοπής* (Asheri, XXXII), у нас остаются два прецедента из истории Эфеса. В 300/299 г. до н. э. эфесцы, вступив в так называемую «гражданскую» войну, декретировали ряд привилегий ипотечарным должникам, отмененных после окончания войны (Syll.³, 364 = Asheri, XXI, XXII). В упомянутом выше декрете Эфеса (Syll.³, 742.28—44 = Asheri, XL) перед угрозой осады города Митридатом Эвпатором наряду с прочими мероприятиями (см. выше) провозглашается кассация почти всех храмовых, государственных и частных долгов и прекращение начатых по ним процессов¹⁵¹. Ни в том, ни в другом случае нет и намек на уже случившиеся социальные волнения.

Было бы, однако, неправомерно отрицать на основании приведенных примеров возможность такой ситуации, когда отмена долгов в момент воен-

¹⁴⁸ Не касаясь здесь сложного и во многом спорного вопроса об отношении Александра к греческим городам (к постановке и историографии проблемы см. *Мариневич Л. П.* Александр Македонский и полисы Малой Азии. — ВДИ, 1980, № 2, с. 29—51; ср. *Ранович*. Ук. соч., с. 49—58), следует заметить, что ситуация в Ольвии существенно отличалась от положений в тех центрах греческого мира, где переход из-под персидского владычества под власть Александра сопровождался свержением тиранических или олигархических режимов и утверждением демократии (Эфес, Хиос, Тенедос, города Лесбоса). Напротив, ольвийские демократы были, подобно своим афинским современникам, противниками македонской гегемонии и успешно отстаивали свободу и независимость своего полиса от Зопприонова войска.

¹⁴⁹ Следуя недавно сформулированной гипотезе, наличие на ольвийских «ассах» букв от А до Е (см. выше) должно было бы указывать на пятилетнее пребывание в власти олигархов непосредственно перед началом чеканки серебра; однако утверждение о том, что «обозначение монетных выпусков буквами в алфавитном порядке следует связывать с ликвидацией демократических институтов и установлением олигархической формы правления» (*Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1978, с. 44—45, 48, 182), в такой универсальной форме представляется весьма шатким. Нет оснований считать установлением демократии и примирение Каллиником сограждан. Не исключено, что демократический строй (в неизвестной нам пока форме) установился в Ольвии в начале IV в. до н. э. после свержения тирании и скифского протектората; см. *Виноградов*. Синопа и Ольвия, ч. II, с. 63—73.

¹⁵⁰ Л. М. Славин последовательно отстаивал тот взгляд, что в Ольвии были только снижены размеры задолженности «незакиточных слоев» государственной казне (Периодизация..., с. 97; ср. Древний город Ольвия, с. 13; Ольвия, с. 12), тогда как некоторые исследователи полагали, что произошла полная и безоговорочная ликвидация всех видов задолженности (*Pippidi D. M.* *Scythica Minora*. București — Amsterdam, 1975. p. 186 suiv.).

¹⁵¹ Как подметил еще Омолль (*Homolle Th.* — BCH. 1926. 50. p. 79. not. 1; ср. *Asheri*, p. 72 sqq.), одной из причин предприятых эфесцами реформ было стремление нейтрализовать пропаганду понтийского царя, который для укрепления своих позиций в покоренных городах сам постоянно прибегал к подобной практике; точно так же поступил он и в данном случае (*App.*, *Mithr.* 48). О пропаганде Митридата см. теперь: *Gaggero E. S.* *La propaganda antiromana di Mitridate VI Eupatore in Asia Minore e in Grecia.* — In: *Contributi di storia antica in onore di Albino Garzetti*. Genova. 1977. p. 89—123.

ной угрозы была спровоцирована уже имевшимися налицо раздорами. В этом, кроме нашего случая, убеждает очень интересный и поучительный отрывок из «Полиоркеттики» Энея Тактика (XIV, 4), который имеет смысл привести целиком. «С теми, кто хочет *изменения существующего в городе порядка*, — пишет Эней (пер. В. Ф. Беляева; курсив наш. — Ю. В., П. К.), — следует поступать так, как об этом сказано выше. Всю массу граждан следует заблаговременно приводить к большому *единомыслию*, добиваясь этого наряду с разного рода другими мерами также и облегчением положения должников, сокращением или полным уничтожением процентов, а при чрезвычайной опасности и прощением части или даже всего долга, если это будет необходимо, так как *всегда часто такие люди таят в себе опасность*. Следует также облегчить положение тех, кого нужда поставила в затруднительные обстоятельства».

Итак, рекомендация теоретика осадного дела, как и применение ее на практике ясно показывают, что перед политиком, намеревавшимся предпринять такие акции, стояла двойная, но при этом единая цель: приведение к согласию (*ὁμόνοια*)¹⁵² защитников города и тем самым сплочение и мобилизация всех сил для обороны путем смягчения социальных противоречий¹⁵³, вне зависимости от того, называли ли они в недрах общества или успели вылиться наружу. Недаром глава о единомыслии идет у Энея сразу вслед за описанием мер, предпринимаемых против активных врагов существующего порядка. Уже само это предписание вызвано к жизни, несомненно, неоднократно имевшими место конфликтами¹⁵⁴, один из которых пока единственно, по-видимому, зафиксирован декретом в честь Каллиника.

Что касается причин, приведших к обострению противоречий между различными социальными слоями населения Ольвии в момент крайней военной угрозы, то ясно, что они зрели в глубине ольвийского общества давно, и сама осада послужила лишь катализатором их разрешения. Хорошо известно, что в практике греческих полководцев при осаде вражеского города обычной и первоочередной мерой было опустошение его сельскохозяйственной территории, что давало, с одной стороны, необходимый провиант осаждающим¹⁵⁵, а с другой, — лишало осажденных продовольственной базы снабжения. Для иллюстрации этой практики достаточно сослаться хотя бы на классический пример спартанской тактики в первые годы Архидамовой войны (Thuc., II, 48—23, 47) или на действия Ламаха под Фераклеей (Just., XVI, 3).

То, что и Зопирион был знаком с военным опытом своей эпохи, доказано теперь археологически: на поселениях ольвийской хоры, возникших в начале IV в. до н. э. и просуществовавших до середины следующего столетия, прослеживаются два горизонта, а может быть, даже и слой разрушений, датируемый на основании выше- и нижележащих слоев как раз

¹⁵² Отметим употребление здесь Энеем того же социально окрашенного термина *ὁμόνοια*, что и в изучаемом декрете и в других аналогичных документах (см. выше; ср. *Pippidi. Scythica Minora*, p. 182 *suiv.*).

¹⁵³ Это заключение высказано *expressis verbis* Ашерри (р. 98). Автор полагает, что свобода и гражданство, возможно, покупались соответственно рабами и ксенами и тем самым пополнялась казна и рос оборонный фонд, а также, что *concordia* среди осажденных немислима без государственного финансирования для возмещения убытков рабовладельцам и кредиторам. Трудно сказать, имело ли это место в Ольвии. Если да, то во всяком случае после снятия осады и из полных средств, так как сткк. 9—10, повествующие об отмене чрезвычайного налога, показывают, что государство пеклось об улучшении материального положения неимущих, среди которых на первом месте должны были стоять должники.

¹⁵⁴ Какая опасность таилась в подобных недовольных элементах, наглядно показывает приведенный выше случай с Арикандой (*Asheri. XXXII*).

¹⁵⁵ Ср. *Polyaen.*, III, 40, 9: Тимофей, осаждавший в 365 г. до н. э. Самос, наряду с прочим захватил одну местность специально для обеспечения своего войска продовольствием.

временем Зопирионова похода¹⁵⁶. Ясно, что разорение полей не только создавало продовольственный кризис — обычное явление в условиях блокады города, но особенно ущемляло малоимущих граждан, лишившихся, таким образом, основного, порой единственного источника доходов. Это неизбежно вело к неуплате долгов и тем самым обостряло отношения между должниками и кредиторами. Помимо этого, осада вообще парализовала нормальную жизнь города и лишала полис постоянных источников пополнения государственного бюджета, прежде всего таможенных пошлин и прочих торговых сборов, засвидетельствованных упомянутым договором между Милетом и Ольвией. Это привело к тому, что городские власти вынуждены были прибегнуть к чрезвычайным мероприятиям, одним из которых было введение особых податей (τὰ τέλη) для создания оборонного фонда. Эти сборы, распространявшиеся, как следует из декрета, поголовно на все население (см. выше), не могли не ухудшить прежде всего положение неимущих, в интересах которых нововведенный налог был отменен после окончания войны. Не исключено, что и замена полноценных литых оболов обычной разменной монетой, также облегчавшая участь пострадавшей от войны бедноты, осознавалась современниками Каллиника как важное социальное мероприятие, достойное упоминания в числе деяний ольвийского демоса.¹⁵⁷

Здесь следует подчеркнуть, что вообще весь изучаемый документ носит отпечаток ярко выраженной демократической окрашенности. Это следует не только из декретирования отмены прямого налога, от которого страдали прежде всего бедняки, но и из самой тональности декрета. Насколько позволяет судить сохранность отдельных клаузул, вся деятельность Каллиника состояла: а) в помощи городу при раздаче каких-то работ и тем самым (?) в увеличении доходов государства (сткк. 3 — 4); б) во внесении предложения об отмене долгов, направленного на ликвидацию волнений среди населения (сткк. 5—8). Декрет ни единым словом — из сохранившихся, конечно, — не намекает, что эвергет сам издал какой-либо закон, сам предпринял какую-то акцию и т. п. Напротив, демос сам: а) отменил налоговое обложение, причинявшее ущерб неимущим (сткк. 9—10), и б) ввел у себя чеканку медной монеты (стк. 10). Очень вероятно, что эти мероприятия экономического порядка были проведены в жизнь если не по инициативе, то, во всяком случае, при участии Каллиника, но содержание постановления никак не обнаруживает его авторитарных полномочий. В Ольвии нет, пожалуй, ни одного официального документа, более четко выражающего демократические принципы. Это снимает, с одной стороны, теоретически возможное предположение

¹⁵⁶ Рубан В. В. Из истории приольвийских поселений правобережья Бутского лимана IV—VI вв. до н. э. — АИСЗП, Киев, 1978, с. 80—82; *он же*. О датировке поселения Козарика II, с. 78—80. В докладе, прочитанном на III Всесоюзном симпозиуме по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, май 1982 г.), Я. В. Доманский, проанализировавший результаты раскопок В. В. Рубана, высказал сомнение в том, что на исследованных поселениях действительно прослеживаются следы разрушений. Тем не менее он не сомневается в том, что Зоширион грабил ольвийскую хору для фуражировки своего войска. Археологические данные в значительной мере смягчают сомнения Бертье-Делагарда, утверждавшего, будто «осады Зошириона в действительности не было и не могло быть», так как скифы не допустили бы его «пройти от Дуная все степи и, дойдя до Ольвии, войти в связь с морем и флотом» (ОС, с. 88, прим. 2). Однако по всему содержанию заметки Макробия видно, что речь идет именно об осаде (*Жебелев*. СП, с. 47, прим. 1).

¹⁵⁷ Проведение редукции полновесной монеты сразу же после отмены долгов позволяет догадываться, что эта отмена, провозглашенная в момент военной угрозы, не была полнотой и универсальной; она именно закреплялась двумя последующими решениями народа — снятием, как можно догадываться, задолженности по налогу, тяготившей над бедными гражданами, и существенным смягчением вообще всех оставшихся в силе долговых обязательств путем десятикратного понижения реальной стоимости медных денег, которыми, надо полагать, расплачивались малосостоятельные ольвийские должники со своими займодавцами. Вполне понятно, что оба мероприятия были названы составителями декрета после указания на отмену долгов.

о Каллинике как некоем подобии тирана, а с другой, — достаточно убедительно свидетельствует о радикально демократическом режиме, установившемся в полисе после снятия осады Зопириона и о сопряженном с этим обновлением всех или большей части сфер полисной жизни: внутри- и внешнеполитической, социально-демографической, финансово-экономической, религиозной и архитектурно-градостроительной¹⁵⁸. Однако обновленная Ольвия конца IV в. до н. э. заслуживает особого исследования.

Возвращаясь в заключение к экспедиции Зопириона и признавая, что она не была «простой авантюрой смелого и недисциплинированного военачальника»¹⁵⁹, но занимала определенное место в военно-политических планах Александра, мы вправе задуматься над ее смыслом. Согласно Юстину, война велась в Скифии и была направлена против скифов. Действительно, Македония столкнулась со скифами во время конфликта Филиппа с Атеем (339 г. до н. э.)¹⁶⁰, а в начале правления Александра они удерживали под своим контролем дельту Дуная (Агр., *Anab.* I, 3, 2) и представляли, по словам Плутарха (de Alex. fort. I, 3, p. 327 d), угрозу для своих соседей. Северный поход Александра (335 г. до н. э.) не задел скифов¹⁶¹, но вполне вероятно, что Зопирион, оставленный Александром в качестве наместника Понта, тогда же получил указание устранить эту угрозу. Такое предположение не объясняет, однако, почему он выступил против скифов лишь в тот момент, когда Александр развернул последнюю кампанию против персов (сражение при Гавгамелах происходило, по Арриану, в сентябре — октябре 331 г. до н. э.), да и для простой демонстрации силы и попутного грабежа не понадобилось бы 30-тысячного войска (согласно тому же источнику, Александр переправился на северный берег Дуная, имея 5 500 воинов, — Агр., *Anab.* I, 3, 6), похода до берегов Борисфена¹⁶², разорения хоры и осады далекого греческого города. Трудно поэтому избежать предположения о том, что, отправляясь на Восток, Александр предвидел возможность возвращения в Европу через скифские степи — ведь царь и его военачальники считали Яксарт (Сыр-Дарью) верхней частью течения Танаиса, пограничной реки между

¹⁵⁸ К событиям, связанным с Зопирионовой осадой, В. И. Денисова отнесла недавно опубликованную и датированную ею последней четвертью IV в. надпись коллеги пяти ольвийских стеностроителей (τεχυοτοίαι), позаботившихся о ремонте или реконструкции стены и башен (Денисова В. И. Новый эпиграфический документ из Ольвии. — СА, 1982, № 1, с. 95—104). Недоумение вызывает причины, по которым издатель, привлекая палеографические аналогии, оставил без внимания однажды уже разработанные авторами данной статьи хронологическую схему развития ольвийской лапидарной палеографии IV в., опубликованную к тому же отнюдь не в малоизвестном издании (ВДИ, 1976, № 4, с. 23—27). Согласно этой схеме, от которой мы не видим никаких оснований отказываться, надпись стеностроителей должна быть помещена в конец второй подгруппы позднеклассического шрифта, т. е. незадолго до середины IV в. (ср. Виноградов, Сидола и Ольвия, ч. II, с. 66). Заметим попутно, что недоумение издателя (с. 103) по поводу того, почему должность теихопоев не упоминается в других ольвийских документах IV—III вв., разрешается тем простым обстоятельством, что в соответствии с обычным словоупотреблением греческих надписей, ни Александр, ни Стесандра, вместе с Никахаром, сыном Калликла, ни Клеомброт Пантаклов, ни тем более Протоген, упомянутые в публикации, не были стеностроителями-магистратами, но лишь частными лицами — эвергетами, занимавшимися ремонтом и воздвижением стен на собственные средства.

¹⁵⁹ *Belin de Ballu*. Op. cit., p. 69 suiv.

¹⁶⁰ Шелов Д. Б. Скифо-македонский конфликт в истории античного мира. — МИА, № 177, 1971, с. 54 слл.; он же. Царь Атей. — НСФ., 1965, 2, с. 16 слл.; Каршиковский П. И. Скифы на Дунае. — УИЖ, 1971, № 9, с. 54 слл.; *Pippidi*. Les macedoniens, p. 381 suiv., *Alexandrescu P. Ataias*. — StCl., 9, 1967, p. 85 sq.; *Pârvan*. *Getica*. p. 51 sq.

¹⁶¹ *Pârvan*. *Getica*, p. 43 sq.; *Vulpe*. *Histoire...*, p. 76 suiv.; *Berciu*, *Pippidi*. Op. cit., p. 131, 196; ср. *Hammond N. G. L.* Alexanders Campaign in Illyria. — JHS, 94, 1, 1974, p. 66 ff.

¹⁶² Аммиан Марцеллин упоминает (XXII, 8, 40) о посвященных Александру алтарях на берегу Борисфена, сооружение которых следовало бы, пожалуй, связывать с походом Зопириона; *Diehl E.* *Olbis*. — RE, XVII (1937). Sp. 2422; *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 106; ср. ВДИ, 1949, № 4, с. 263, прим. 1 (комментарий к Макробию; в комментарии к Аммиану — ВДИ, 1949, № 3, с. 289, прим. 10 — это известие объявлено вымыслом).

азиатскими и европейскими скифами¹⁶³. Не исключено, таким образом, что в его первоначальные намерения входило соединение с Зопирионом в глубине скифских просторов, объективная трудность которого не представлялась вначале непреодолимой¹⁶⁴.

Здесь уместно отметить, что впервые сформулированное Белохом представление о походе Зопириона как о важной составной части стратегических замыслов Александра встретило фронтальное возражение со стороны Вл. Илиеску¹⁶⁵. Автор ограничивает цель похода Зопириона стремлением его включить в управляемую им область «земли к северу от Дуная или по крайней мере северопонтийские города» и начисто отвергает приписываемые Александру планы превращения Черного моря «в македонское озеро»¹⁶⁶. При этом единственным путем реализации таких планов провозглашается одновременное наступление Зопириона и царя хорасмиев Фарасмана, предложившего, согласно Арриану (*Anab. I, 15, 4—5*) покорить Александру народы, живущие у Черного моря. Это предложение было получено Александром после раскрытия заговора Гермояла, т. е. в 328 или в начале 327 г. до н. э.¹⁶⁷, а поскольку Илиеску относит выступление Зопириона к 334—331 гг. до н. э. (см. выше), такое соединение сил было уже невозможным; к тому же Александр обычно сам возглавлял и тщательно готовил свои военные акции, а в это время его занимал предстоящий поход в Индию. Наконец, Илиеску считает, что сама идея подчинения всех «скифских» земель не могла иметь в эпоху Александра экономической базы и должна рассматриваться как плод модернизаторской мысли современных историков.

Нетрудно видеть, что критические замечания румынского исследователя не затрагивают изложенных выше соображений — речь может идти лишь о первоначальных замыслах Александра, нереальность которых обнаружилась только в ходе их выполнения. Хотя нет оснований принимать, что экспедиция Зопириона была недостаточно тщательно подготовлена, скифские просторы были слишком огромны, скифские племена слишком многочисленны, а их военные возможности слишком велики; к тому же завоевание западной половины державы Ахеменидов затянулось на несколько лет. В то время, когда Александр достиг той реки, которую он вначале принимал за верхнее течение Танаиса, отделяющего Европу от Азии¹⁶⁸, войско Зопириона давно перестало существовать, так что царь, столкнувшись с серьезным сопротивлением при попытке углубиться за великую среднеазиатскую реку и убедившись в невозможности возвращения на Запад северным путем¹⁶⁹, был вынужден видоизменить свои планы подчинения Скифии, но не хотел просто оставить их. Теперь он завязывает переговоры не только с ближайшими, но и с отдаленными племенами «европейских» скифов (*Arr., Anab. IV, 1,1; 15, 1—*

¹⁶³ Вильницкий. Ук. соч., с. 105; Томпсон Дж. О. История древней географии. М., 1953, с. 190. Эту путаницу отлично воспроизвел Курций (VII, 6, 12—13). Ср. Гафуров, Цибукидис. Ук. соч., с. 249, 409, прим. 31.

¹⁶⁴ *Beloch*. Op. cit., S. 45 f.; *Tarn*. Op. cit., I, p. 70 f.; *Pippidi*. Les macédoniens..., p. 389 suiv.; *idem*. Contribuții 2, p. 153 sq. Если возвращение таким путем действительно принималось в расчет, то можно предполагать, что если перед выступлением на Восток Александр и не имел сложившегося плана создания «всемирной монархии» (ср. Шофман. Ук. соч., с. 246 слл.; ср. ВДИ, 1969, № 4, с. 96 слл.), то он и не собирался ограничиваться захватом одной только Малой Азии.

¹⁶⁵ *Ilieşcu VI*. Bemerkungen zum pontisch-orientalischen Plan Alexanders des Großen. — В кн.: Проблемы античной истории и культуры, 1. Ереван, 1979, S. 101—105.

¹⁶⁶ *Pippidi*. Contribuții 2, p. 153.

¹⁶⁷ Гафуров, Цибукидис. Ук. соч., с. 277—280; ср. Ковалев С. И. Заговор «пажей». — ВДИ, 1948, № 1, с. 34 слл.

¹⁶⁸ По И. Н. Хлопну (Хронология похода Александра Македонского в Среднюю Азию. — ВИ, 1979, № 2, с. 98, 102, 104) — летом 328, а не 329 г. до н. э., как обычно полагают.

¹⁶⁹ Гафуров, Цибукидис. Ук. соч., с. 249 сл.; Шофман. Ук. соч., с. 127 сл.; Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, с. 137 сл.; *Tarn*. Op. cit., 1, p. 69 f.; 2, p. 326 ff.

5; Curt., VII, 6, 11—12; VIII, 1, 7—10)¹⁷⁰, интересуясь при этом прежде всего выяснением их военного потенциала (Агр., Анаб. IV, 1, 2). На данном этапе своей деятельности Александр вынашивал планы покорения Индии, но предполагал, что после этого он «вернется в Элладу и оттуда уже через Геллеспонт и Пропонтиду со всеми сухопутными и морскими силами ворвется на Понт» (ibid., IV, 15, 6). В дальнейшем, в Индии и уже после возвращения в завоеванное царство Ахеменидов, царь колебался, обратить ли оружие против Аравии, Карфагена, Ливии, Сицилии и Италии, либо «плыть в Эвксинский Понт, к скифам и к Меотиде» (ibid., V, 27, 7; VII, 1, 2—3)¹⁷¹.

Неизменное внимание к скифской проблеме на протяжении всей деятельности Александра позволяет понять и вызывавшее недоумения некоторых исследователей проникновение Зопириона до стен Ольвии¹⁷². Уже при столкновении Филиппа с Атеем некоторые греческие города оказались на стороне скифов. Согласно восходящему к Диону Христомому известию Иордана (Get. 65) Одесс был даже осажден македонянами¹⁷³, а разрушение городской стены и части жилых кварталов Истрии, установленное в ходе археологических раскопок, дает основание предполагать, что этот город был взят Филиппом силой оружия¹⁷⁴. Македонский царь, нелишне заметить, стремился поставить западнопонтийские греческие города в такую же зависимость от своего государства, в какой находились города Фессалии и северного побережья Эгейского моря¹⁷⁵. Такая политика не встречала поддержки среди демократически настроенных кругов полисов Западного Понта¹⁷⁶, и нет оснований предполагать, что позиция ольвийских демократов была иной¹⁷⁷. Демонстративный филэллинизм Александра в начале его деятельности сопровождался двумя походами в Элладу, и вряд ли приходится сомневаться, что соотечественники и современники Каллиника хорошо знали о трагической судьбе разрушенных по приказу царя Фив¹⁷⁸, да и Милет, метрополия ольвиополитов, оказал Александру вооруженное сопротивление¹⁷⁹. Можно поэтому предполагать, что во время наступления Зопириона общая опас-

¹⁷⁰ Александр придавал этим переговорам немалое значение и информировал о них Антипатра (Plut., Alex. 46).

¹⁷¹ Ср. Wilken U. Die letzten Pläne Alexanders des Großen.— SBPAW, Phil.-hist. Kl., 1937, 24, S. 192—207. Разумеется, было бы наивно искать конкретную экономическую основу таких планов.

¹⁷² Minns. Op. cit., p. 259; Бертье-Делагард. OC, с. 88, прим. 2.

¹⁷³ Блаватская. Ук. соч., с. 86 сл.; ср. Iliescu VI. Die Beziehungen zwischen dem Skythenkönig Atheas und den griechischen Städten der westlichen Schwarzmeerküste.— In: Actes du I Congrès international des études balkaniques. 2, Sofia, 1969, S. 174 ff.

¹⁷⁴ Coja M. Zidul de aparare al cetatii Histria.— SCIV, 1964, 15, № 3, p. 383—398; Iliescu. Die Beziehungen..., S. 176; Данов. Ук. соч., с. 427 сл.; Шелов. Скифо-македонский конфликт, с. 61. Впрочем, Пиппиди склонен связывать разрушение истрийских стен с борьбой этого города против Лисимаха в конце IV в. до н. э. (Pippidi. Les macédoniens..., p. 381 suiv.).

¹⁷⁵ Блаватская. Ук. соч., с. 84 слл.; Данов. Ук. соч., с. 427 слл.; Iliescu. Die Beziehungen..., S. 171 ff.; Pippidi. Les macédoniens..., p. 381 suiv.

¹⁷⁶ Блаватская. Ук. соч., с. 91; Маринович. Ук. соч., с. 42—44.

¹⁷⁷ Хотя несомненно, что проксенические декреты древних греческих полисов выражали не столько междугосударственные связи, сколько служили средством правовой защиты для купцов-иностранцев в наиболее часто посещаемых ими центрах (Жебелев С. А. Торгово-консульская служба в древнегреческих колониях Северного Причерноморья.— ВДИ, 1982, № 2, с. 145 слл.), все же нельзя не отметить, что относящиеся к третьей четверти IV в. до н. э. ольвийские проксенические декреты в честь афиня, гераклеотов и византийца (НО, 5, 6, 9) показывают, что Ольвия развивала торговые связи именно с теми полисами, где были сильны антимакедонские настроения, — роль Афин в борьбе против Филиппа общезвестна; Византий успешно отстаивал свою независимость от его покушений (Невская В. II. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953, с. 113 слл.); имеются данные и о враждебности гераклеотов по отношению к Александру (Метн., XI—XII, fig. 4,2).

¹⁷⁸ Вскоре после восстановления Кассандром разрушенных двумя десятилетиями ранее Фив ольвиополиты даровали проксению фиванцу (НО, 14).

¹⁷⁹ Arr., Анаб. I, 18,3—19,6; Diod., XVII, 22; ср. Маринович. Ук. соч., с. 45 слл., где указана необходимая литература.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Средиземноморье и Ближний Восток		Северо-Западное Причерноморье	
359	Захват власти Филиппом II в Македонии		
356	Победа Филиппа II на олимпийских играх		
349—348	Осада и взятие Олинфа Филиппом II	350 (?)	Начало проникновения скифов Атея в Добруджу
345—342	Начало эмиссии золотых статеров Филиппа II	350—345	Начало последней эмиссии полноценных литых медных оболов в Ольвии
340—339	Осада Византия Филиппом II	342 (?)	Осада Одесса Филиппом II
338	Битва при Херонее	339	Война Филиппа II со скифами. Гибель Атея
338—337	Коринфский конгресс	340 (?)	Начало эмиссии серебряных статеров в Ольвии
336, весна	Отправление Пармениона и Аттала в Малую Азию	340—335	Ольвийский декрет о денежном обращении
336, осень	Убийство Филиппа II. Воцарение Александра		
335, осень	Поход Александра в Грецию. Разрушение Фив	335, весна	Поход Александра к устьям Дуная
334, весна	Отправление Александра в Малую Азию. Назначение Антипатра наместником. Битва при Гранике		
334—333	Завоевание Малой Азии Александром		
334 (?)	Начало похода Александра Эпирского в Италию		
333, осень	Битва при Иссе		
333—332	Начало антимакедонского выступления спартанского царя Агида (на Крите)		
332	Осада и взятие Тира Александром		
332—331	Начало эмиссии золотых статеров Александра. Александр в Египте		
331, весна	Выступление Александра в последний поход против Дария	331, лето	Поход Зопириона против скифов. Осада Ольвии и осуществление ольвиополитами демократических реформ. Временная эмиссия свинцовых статеров в осажденной Зопирионом Ольвии
331, осень	Битва при Гавгамелах. Бегство Дария в восточные сатрапии	331, осень	Гибель Зопириона в «Гетской пустыне»
331—330	Александр занимает Вавилон, Сузы, Персеполь. Гибель Александра Эпирского в Южной Италии. Агид Спартакский закрепляется в Пелопоннесе	331—330	Восстание фракийцев (одризов) под руководством Севта. Выступление фракийского наместника Мемнона против Антипатра
330, лето	Свержение и убийство Дария. Битва при Мегалополе: победа Антипатра над Агидом		
330, осень	Получение Александром в Парфии письма Антипатра с сообщениями о гибели Александра Эпирского, Агида и Зо-	330	Возобновление эмиссии серебряных ольвийских статеров. Прекращение выпуска литой полноценной меди и

	пирюна
330—320	Прекращение эмиссии электровых статеров Египта
329—327	Александр в Средней Азии
329—328	Временная приостановка посмертной эмиссии золотых статеров Филиппа II
328 (?)	Александр на «Танаисе» (Сыр-Дарье) и попытки его перенести военные действия в глубины Азии. Переговоры с Фарасманом, царем хормиев
327—325	Александр в Индии
324	Провозглашение на олимпийских играх распоряжения Александра о возвращении политических эмигрантов в греческие города. Планы новых походов в Западное Средиземноморье, Аравию и в Северное Причерноморье
323, май	Смерть Александра в Вавилоне
323—322	Ламийская война. Начало эмиссии золотых статеров Филиппа III Арридея; возобновление выпуска посмертных статеров Филиппа II и начало эмиссии посмертных статеров Александра
321—319	Регентство Антипатра в Македонии
317—307	Правление Деметрия Фалерского в Афинах
316	Александр восстанавливает Фивы
310	Прекращение посмертной эмиссии золотых статеров Филиппа и продолжение выпуска посмертных статеров Александра
306	Принятие царского титула Антигоном и другими диадохами
301	Битва при Иссе

Северо-Западное Причерноморье

	начало эмиссии чеканенных оболов (серия магистрага АΡΙΣ)
325—320	Ольвийский декрет в честь Каллиника, сына Евксена
330—320	Подтверждение договора об исополитии между ольвиополитами и Милетом
328 (?)	Александр принимает посольство «европейских» скифов и направляет ответное посольство в Скифию
324	Александр принимает в Вавилоне новое посольство «европейских» скифов
323	Лисимах вводит в Истрию и Каллатию свои войска
323—322	Эмиссия золотых статов, серебряных статов и драм в Ольвии. Изменение типов чеканенных оболов (серия магистрага ΕΚ)
313	Восстание каллатийцев против Лисимаха. Поход Лисимаха в Добружу и вытеснение скифов на северный берег Дуная
312—302	Попытка изменения весовой системы ольвийского серебра. Эмиссия золотых гемидрахм, серебряных статов и триоболов. Временная приостановка эмиссии медных оболов («борисфенов»)
310—300	Прекращение эмиссии серебряных монет Истрии
306	Принятие царского титула Лисимахом
300 (?)	Договор об исополитии между Истрией и Милетом

ность сблизила ольвиополитов с их соседями, и притом настолько, что македонский военачальник счел необходимым приступить к осаде непокорного города¹⁸⁰. Этим он рассчитывал, надо полагать, создать приморский плацдарм в тылу той части скифов, против которой был направлен его первый удар. Не приходится говорить о значении такого плацдарма, если Зопирион действительно имел приказ двинуться на Восток до соединения с царем и предпологал, что до места встречи не слишком далеко, но если даже перед ним была поставлена более ограниченная задача, подчинение Ольвии придавало всему задуманному предприятию немалое значение, в особенности в случае отступления скифских воинов в глубину степей без решительного сражения. Ольвия оказалась таким образом перед серьезной опасностью, и только победа демократических сил, осуществивших отмену долгов и не остановившихся перед освобождением рабов, обеспечила политическую самостоятельность города, укрепила его связи с местными племенами и прочно утвердила внутри полиса демократические порядки. Все это не осталось без влияния на события во Фракии и в Греции¹⁸¹ и было одной из существенных предпосылок возобновления старинного договора с метрополией¹⁸². Представляется вероятным, что Каллиник, сын Евксена, сыграл во время этих событий одну из главных ролей, так что назначенная ему беспримерная награда не представлялась его согражданам не соответствующей его заслугам, очень сдержанно охарактеризованным в посвященном ему декрете. Трудно, наконец, воздержаться от предположения, что последовавшая вскоре эмиссия великолепных по исполнению золотых статов, наглядно противопоставивших τὸν τῆς πόλεως χαρακτήρα (рис. 4, 16) олимпийской символике монет Филиппа (рис. 4, 10) и крылатой Nike широко распространявшихся золотых статов Александра (рис. 4, 11)¹⁸³, была не только экономическим предприятием, но и политической демонстрацией города, устоявшего перед македонским войском, значительно превышавшим своей численностью все его население¹⁸⁴.

KALLINIKOS SON OF EUXENOS.
FROM THE POLITICAL, ECONOMIC AND SOCIAL HISTORY
OF OLBIA IN THE SECOND HALF OF THE FOURTH CENTURY B. C.

Yu. G. Vinogradov, P. O. Karyshkovsky

According to the lone testimony of Macrobius (*Sat.* I 11, 3), when Alexander the Great's general Zopyrion laid siege to Olbia the citizens of that town resorted to extreme measures: emancipation of slaves, enfranchisement of foreigners and cancellation of debts, which measures enabled them to withstand the siege. The authors take up the much discussed question as to how this information should be assessed and also consider the foreign and domestic political events in Olbian history which have some relevance to Zopyrion's campaign against the Scythians in ca. 331 B. C. Review of the context in which Macrobius's brief note on the «Borysthenitae» is set encourages a high assessment of the authenticity of his source's information and the accuracy with which he has transmitted it.

¹⁸⁰ Тарн полагал даже (Op. cit., 1, p. 70 f.; 2, p. 326 f.), что главной целью Зопириона было подчинение городов Северо-Западного Причерноморья; с этим согласен также Пиппиди (Les macédoniens..., p. 339 suiv.).

¹⁸¹ Жебелев. Сп., с. 43 сл.; ср. Карышковский. Монеты западнопонтийских династов, с. 49 сл.

¹⁸² Syll.³, 286. Ср. Жебелев. Сп., с. 38 сл., 47; Seibert. Op. cit., S. 179 f.; Данов Х. М. Към старата история на Созопол.— ИБИД, 1948, 22/23, с. 180 сл., 186 сл.

¹⁸³ О политическом смысле, заключенном в монетных типах македонских царей, см. Kleiner. Op. cit., S. 9 f., 17 f.; Seliman. Op. cit., p. 199 f., 204 f.

¹⁸⁴ Виноградов, Карышковский. Ук. соч., с. 31; ср. Карышковский. 3 історії Ольвії..., с. 172 сл.

By their combined efforts the authors succeeded in joining together two inscribed fragments (*IOSPE I*²² 25 + 31) which, having lain in the Odessa Archaeological Museum as two disparate documents for more than 75 years, are now seen to be parts of a single Olbian decree. The inscription was cut on the base of a statue put up in honour of the Olbian citizen Kallinikos son of Euxenos. Palaeographic, numismatic and historical considerations point to a date in the mid-twenties of the 4th century. The demos rewards Kallinikos with a statue and 1000 gold staters — a sum so large (amounting to 8.5 kg. in metal weight) as to be unique in the annals of Greek epigraphy — for certain undertakings of a financial character, but mainly for bringing the warring factions in the city together in concord (εἰς ἑμὸν[οἶαν]) by putting through the ecclesia a motion for cancellation of debts. The exceptionally large monetary award, the dedication of the statue to Zeus Soter and the coincidence of the reference in the decree to cancellation of debts with the testimony of Macrobius could not but lead the authors to conclude that in the extremely tense atmosphere of siege there had been a flare-up of conflict between debtors and creditors. Kallinikos's proposal to cancel debts was designed to liquidate this conflict and so strengthen the city's defence capability.

When the siege had been effectively repulsed Kallinikos, according to the decree, moved to abolish a tax which had been hard on those without means — τὰ τε τέλη τὰ ἐπιβεβλη[μένα οἷς ἀποροῦν]τες ἐβλάπτοντο ἀφείρηκεν. The authors suggest that this was an extraordinary direct wartime tax. Correlation of the measures mentioned in the decree with the exigencies of the siege laid by Zopyrion is supported by numismatic data. In the final clause of the motivation section of the decree it is said that the demos cut back the minting of copper in proportion to the reckoning (τὴν κοπη[ν τοῦ] χαλκοῦ κατὰ λόγον ἔχεν?), i. e. brought it into correspondence with the gold and silver circulating on the market. Study of the coinage and money circulation in Olbia at this time leads to the conclusion that the copper mentioned in the decree refers to reduced-weight struck copper pieces, the so-called «borysthens», which soon after 330 replaced the full-weight cast-bronze obols. This is connected with the first minting of gold in Olbian history, an ephemeral measure adopted for propaganda purposes.

From the nature of the measures taken by the Olbiopolitae, as attested in the decree, and from the whole tone of the decree, the authors deduce a strong tendency towards the democratisation of Olbian society immediately after Zopyrion's siege was lifted. This tendency was accompanied by a heightened economic activity, clearly reflected in the archaeological, epigraphical and numismatic data. Finally, the authors assess Zopyrion's campaign against the Scythians, not as the irresponsible adventure of an undisciplined officer, but as an integral part of the military and political plans of Alexander.